

политика

А.А.Галкин

ЗАХВОРАВШИЙ МИР В ОЖИДАНИИ ЛЕЧЕБНЫХ ПРОЦЕДУР¹

Ключевые слова: узлы потрясений, глобализация, мироустройство, неотложные меры, долговременные последствия

¹ Изложенное ниже представляет собой дальнейшие размышления на темы, затронутые в предыдущей статье. См. Галкин А.А. 2012. Новые времена: сдвиги и узлы потрясений // *Политика*. № 1.

Вызывает, мягко говоря, недоумение, что, несмотря на явное ухудшение ситуации в мире, обусловленное накоплением узлов потрясений, реакция на происходящее по-прежнему минимальна. Это прослеживается на разных уровнях — и на властном, и на общественном. Правящие элиты почти повсеместно пребывают в иллюзии, будто все заслуживающие внимания проблемы сводятся к циклическим сдвигам и внешнеполитическим интригам, для нейтрализации которых достаточно уже испытанных приемов. Общественные структуры, как правило, либо не замечают принципиально новых явлений, либо делают вид, что их не существует. Тревожные предостережения одиночек остаются гласом вопиющего в пустыне.

Между тем комплекс лечебных мер, которые следовало бы предпринять, чтобы если не предотвратить, то, по меньшей мере, минимизировать угрозы, нависшие над миром, становится все более очевидным. При этом дефицит времени, которым располагает сейчас человечество, делает необходимым членение этих мер на неотложные и долговременные, предполагающее различие между своего рода «скорой помощью» и «стационарным лечением».

Рассмотрим каждый из наборов мер в отдельности — в зависимости от конкретного комплекса угроз, трактуемого в качестве узла потрясений.

Начнем с обострившихся противоречий в отношениях между человечеством и окружающей средой. Опыт, накопленный на протяжении истекших десятилетий, убедительно продемонстрировал полную несостоятельность того, что делалось в этом плане до сих пор.

Реализация Киотского протокола не дала сколько-нибудь заметных позитивных результатов. Его дальнейшая судьба, как известно, находится под вопросом. Усилия экологических организаций ряда стран оказались направлены в первую очередь против ядерной энергетики, без которой на нынешнем этапе развития все равно не обойтись и которая, кстати говоря, в случае правильного обращения с ней наносит окружающей среде гораздо меньше вреда, чем электростанции, работающие на угле или газе.

Правомерность ставки на возобновляемую энергетику и синтетические материалы, о необходимости перехода на которые так любят

рассуждать профессиональные экологи, не вызывает сомнений. Однако при нынешних темпах для утверждения их повсеместного потребления, судя по всему, понадобятся многие десятилетия, если не больше.

Между тем окружающая среда все болезненнее реагирует на возросшее давление. И особенно ощутимо это сказывается на климате. Вопреки утешающим заверениям записных оптимистов он меняется, и отнюдь не в лучшую сторону. Это заметно каждому, кто не только сидит в четырех стенах, но и иногда выходит на улицу. Впрочем, и в четырех стенах далеко не всегда удается укрыться.

Не менее актуальной остается угроза технологических катастроф. Их число и масштабы непрерывно возрастают. Соответственно, увеличивается и объем бедствий, которые они приносят.

Что же в связи с этим можно и нужно сделать? Прежде всего — о неотложных мерах.

Необходимо, наконец, добиться создания в рамках ООН Международного объединения в защиту окружающей среды, не уступающего по своим масштабам и объему финансирования таким организациям, как ЮНЕСКО. Этому объединению надлежит незамедлительно приступить к разработке всесторонней программы международной реакции на возможные глобальные бедствия. В числе важных составляющих этой программы можно назвать образование Международных сил реагирования на естественные и технологические катастрофы, с последствиями которых не смогут справиться пострадавшие от них государства, и Международного фонда помощи жертвам естественных и технологических катастроф, выходящих за национально-государственные пределы. Возможны также и другие формы регионального и глобального реагирования на климатические и прочие катастрофы.

Глубокое («стационарное») лечение, очевидно, потребует качественно иного, более эффективного объединения международных усилий и значительного наращивания инвестиций, нацеленных на стимулирование научных разработок и внедрения в практику возобновляемых источников энергии и синтетических материалов в масштабах, коренным образом меняющих всю структуру современного производства и потребления, а также на создание новых технологий, исключающих выход техники из-под контроля человека. В связи с этим на повестку дня, по-видимому, встанет вопрос об образовании сети ответствующих международных исследовательских и внедренческих институтов.

Разумеется, в данном случае речь идет о задачах не сегодняшнего и не завтрашнего дня. Однако двигаться в указанном направлении надо уже сегодня.

Постановку всех перечисленных проблем на международных форумах и борьбу за их позитивное решение лучше всего было бы осуществить силами группы стран. Однако для того чтобы сдвинуть дело с «мертвой точки», нужен влиятельный инициатор. И было бы правильным, если бы новое руководство страны дало соответствующее

поручение нашему Министерству иностранных дел. Ведь для нас экологические и технологические катастрофы опасны не меньше, чем для других.

Перейдем к следующему узлу потрясений.

Что можно сделать, чтобы пресечь такой опасный их источник, как практически неограниченная мобильность капитала, стимулируемая совокупностью глобализационных процессов? Известно, что мобильность — естественное свойство капитала. Он постоянно ищет место приложения и стремится прежде всего туда, где его ждут наибольшие прибыли. На протяжении последних десятилетий одной из важнейших форм реализации этого свойства было массовое перемещение всевозможных производств из промышленно развитых в экономически отсталые страны, располагающие приемлемо квалифицированной, но вместе с тем дешевой рабочей силой.

На первый взгляд последствия подобного перемещения могут показаться позитивными. В странах размещения новых производств ускорилось промышленное развитие, повышались основные экономические показатели, возникали дополнительные рабочие места. В свою очередь, там, откуда «сбегали» промышленные предприятия, вроде бы открывались новые возможности для внедрения постиндустриальных, инновационных производств.

Рассуждений подобного рода до сих пор можно встретить немало.

Но если вникнуть в суть дела, то сложится иная картина. Как известно, дьявол кроется в деталях. Миграция капитала приводит к позитивным результатам лишь тогда, когда удерживается в разумных пределах. Стоит их нарушить, как позитив оборачивается негативом. Нечто подобное наблюдалось в прошлом. Так это происходит и ныне.

В экономически менее развитых странах, где обычно в неконтролируемых объемах оседает эмигрировавшая зарубежная индустрия, происходит быстрое, нередко катастрофическое разрушение исторически сложившихся сельских и городских производственных структур, а значит, массовое разорение занятого в них местного населения, его глубокое обнищание и стимулированная им безудержная урбанизация. При этом пресловутая дешевизна рабочей силы оборачивается к наемным работникам своим истинным лицом: высоким уровнем эксплуатации и неполной оплатой трудовых усилий.

Немалую негативную роль играет и то, что эмигрировавший капитал, как правило, не становится в полном смысле интернациональным. До тех пор пока в мире сохраняется высокая конъюнктура, такое положение вещей не имеет существенного значения. Но как только возникают первые трудности со сбытом, привязка капитала к «стране исхода» становится очевидной. Если возникает неотложная потребность в жертвах, то их приносят прежде всего за счет зарубежных предприятий и филиалов. Тем самым экспорт капитала превращается в экспорт кризисных потрясений.

Не в меньшей степени от повышенной мобильности капитала страдают и те страны, откуда производства «убегают».

Во-первых, в них возникает острый дефицит инвестиций. Если же, тем не менее, их осуществляют, прибегая для этого к кредитам, то при нарушении разумных пределов накапливается задолженность, грозящая перерасти в долговой кризис. А это, как свидетельствует опыт, ставит под угрозу экономическую стабильность соответствующей страны и даже региона в целом.

Во-вторых, обусловленная таким бегством частичная, а иногда и полная деиндустриализация оборачивается высоким уровнем зависимости пораженного ею государства от внешних поставок готовой продукции или деталей и промежуточных материалов. В кризисных ситуациях подобная зависимость чревата серьезными потерями, а в крайних случаях — и катастрофой.

В-третьих, при отсутствии должных компенсаторных действий массовое перемещение производств неизбежно порождает в «стране исхода» острый кризис занятости со всей суммой свойственных ему последствий.

В сравнительно спокойные годы эти процессы протекают, как правило, латентно. Но при первых же потрясениях их разрушительный эффект начинает сказываться все заметней, нередко в весьма болезненной форме.

Об этих угрозах неоднократно говорилось и раньше. Но пока они только созрели, а наносимые ими удары были сравнительно терпимыми, серьезных мер по их предотвращению не предпринималось. Теперь, однако, ситуация в корне изменилась. Бездействие становится опасным для жизни.

Сначала о тех мерах, которые могут рассматриваться как «скорая помощь».

Сведущие эксперты-экономисты обычно рекомендуют странам, откуда «сбегают» промышленные производства:

- законодательно определить перечень производств, перенесение которых за пределы страны представляется недопустимым. Это стало бы главным барьером на пути их вероятного бегства;
- увеличить до блокирующей долю государства в акционерном капитале предприятий, не входящих в упомянутый выше перечень. Это помогло бы при необходимости помешать и их бегству;
- создать для фирм и предприятий, в которых больше всего заинтересовано государство, привилегированные, особо благоприятные условия, делающие очевидно невыгодным перевод их за границу.

Последний способ, разумеется, самый эффективный, но и самый сложный и затратный.

В свою очередь, менее развитым экономически странам, куда устремляются «беглые» производства, небесполезно предварительно позаботиться о системной защите как традиционного, так и укоренившегося национального производства. Это предполагает своевременное опреде-

ление и строгое соблюдение допустимой доли иностранного капитала в различных сферах, ограждение значимых отраслей производства от иностранного монополизма, усиление государственного влияния на производствах с участием иностранного капитала и, что особенно важно, создание разветвленной системы социальной поддержки граждан, пострадавших в результате разорения традиционных производственных структур, стимулированного иностранной конкуренцией.

Что касается мер, рассчитанных на долговременные последствия, то применительно к развитым странам речь идет о курсе на ускоренное внедрение новых, инновационных производств, обладающих высоким конкурентным потенциалом. Энергичное и последовательное проведение данного курса позволило бы этим странам сохранить за собой роль экономических и научно-технических центров современного мира.

Разумеется, достижение этой цели потребует полной мобилизации всех ресурсов: и политической воли, и научного потенциала, и финансовых средств, и организационных усилий, и общественной поддержки. Это, конечно, трудно, но в принципе возможно.

Более сомнительной представляется другая гипотетическая возможность. Неконтролируемая массовая миграция капитала может быть минимизирована в случае относительного выравнивания уровня развития и жизни если не всех, то, по меньшей мере, подавляющего большинства стран. Произойдет это не скоро, если произойдет вообще.

Для движения в этом направлении необходимы правомочные и эффективные международные институты, способные действенно регулировать соответствующие процессы в международных масштабах. Таких институтов, как известно, пока нет, и в ближайшее время они вряд ли появятся. Подобное положение вещей, естественно, не исключает возможности заключения ряда международных соглашений, в рамках которых могли бы быть решены некоторые, в том числе существенные, проблемы, порожденные миграцией капитала. Это, конечно, паллиативы, но до поры до времени и они сгодятся.

И здесь нельзя не отметить то специфическое положение, в котором находится в данном отношении Россия. По одним показателям она, безусловно, может быть отнесена к высокоразвитым странам, но по другим явно пребывает в числе экономически отстающих. Поэтому в ее пределах происходят (или возможны) процессы, характерные как для первых, так и для вторых.

Деиндустриализация, которой Россия подверглась в 1990-е годы, не имела прямого отношения к лишь наметившемуся тогда возрастанию мобильности капитала. Она была порождена катастрофическим сломом прежней экономической парадигмы и явной несостоятельностью той, что пришла ей на смену. Соответственно, начавшееся несколько позже внедрение в экономику страны иностранного капитала не принесло с собой болезненного разрушения традиционных производ-

ственных структур и массового разорения занятого в них населения, как это было в экономически отставших странах, ибо все это в значительных масштабах свершилось гораздо раньше.

Данное обстоятельство, однако, не избавило нас от негативных последствий возросшей мобильности капитала. Он стал интенсивно «убегать» из страны — не в форме делокализации предприятий, а через сокращение притока иностранных и интенсивную утечку отечественных финансов. Дополнительный стимул этому придал, мягко говоря, не очень благоприятный инвестиционный климат, установившийся в стране.

Особенно отчетливо указанная тенденция проявилась в последние годы. О ее масштабах можно судить на основании следующих официальных данных. Если в 2008 г. прямые иностранные инвестиции в экономику России оценивались в 75 млрд. долл., то в 2011 г. — в 52 млрд. В 2010 г. прямой отток отечественного капитала за рубеж составлял порядка 32 млрд. долл., в 2011 г. — около 84,5 млрд., а в 2012 г., судя по уже наметившимся темпам, он может превысить 130 млрд. При таком финансовом кровопускании у страны вскоре не останется средств не только на проведение широко разрекламированного курса на модернизацию, но и на поддержание сохранившегося промышленного производства.

Отсюда и специфика оборонительных мер, которые предстоит предпринять в данной сфере России. В любом случае ей придется пустить в ход набор правовых и организационных регламентаций, призванных удержать отток капитала в допустимых пределах.

Разумеется, одно это не решит проблемы. С точки зрения перспективы необходимо осуществить такие преобразования в сложившейся в стране деловой атмосфере, которые сделают капиталовложения в российскую промышленность, и прежде всего в ее инновационный сектор, не просто приемлемыми, но особо привлекательными как для отечественных, так и для иностранных инвесторов.

С узлом потрясений, рассмотренным выше, тесно переплетается другой, тоже экономический и в такой же мере обусловленный реализуемой ныне глобализационной моделью. Основу этого узла составляет прогрессирующая потеря мировым сообществом сколько-нибудь ощутимого контроля над платежными средствами международного значения. Объективная оценка этого обстоятельства может дать ключ к пониманию причин столь распространенного и ставшего фактически мировым явления, как долговой кризис, а тем самым — и к поиску путей его преодоления.

Конечно, долги, как и вообще долговые коллизии, явление не новое. Соответствующие прецеденты нетрудно отыскать еще в глубокой древности. Однако такой уникальной ситуации, когда в практически неоплатном долгу оказались многие государства, в том числе и ховившие ранее в богатых и процветающих, до сих пор зарегистрировано

не было. Но если так, то в основе происходящего должна лежать какая-то не фиксирувавшаяся прежде, новая причина.

И определить ее оказывается не так уж и трудно. Этой причиной является отсутствие минимально необходимого эффективного контроля над системой платежных средств, особо недопустимое в ситуации, когда мировые торговые, производственные и финансовые связи, безусловно, приобрели глобальный характер.

Непонимание или осознанное игнорирование данного обстоятельства долгое время мешало (и до сих пор мешает) правильно оценить сущность нынешнего долгового кризиса и, соответственно, выработать действенные меры, способствующие его преодолению.

Наиболее распространенное объяснение причин этого кризиса до сих пор строится на оценках, сводящих проблему к субъективному поведению элит и народов. Дескать, на протяжении ряда десятилетий и те и другие жили не по средствам, влезали в долги — государственные, корпоративные и частные. А раз так, то естественно, что за всем этим должна последовать горькая, но справедливая расплата.

Доля истины в таком рассуждении есть. Но только доля.

Оно бы выглядело более убедительным, если бы не два обусловленных им вопроса. Во-первых, для того чтобы жить в долг, необходимо занимать деньги. Где их брали те, кто накопил такие несметные долги? Во-вторых, почему в прошлом, в том числе и не очень далеко, государство, попавшее в долговую яму, было исключением, а теперь, похоже, превращается в норму?

Чтобы всерьез ответить на эти вопросы, следует выйти за пределы субъективно-персоналистских ориентаций и обратиться к анализу особенностей глобальной платежной системы, делающей подобную расточительность возможной.

Складывающийся (и отчасти уже сложившийся) мировой рынок остро нуждается в адекватной ему устойчивой платежной системе. До последнего времени (после отмены золотого паритета) эту функцию выполнял американский доллар, к которому в начале нового века присоединилось евро.

Этот вариант едва ли можно считать полностью удачным. В идеале платежные системы, претендующие на мировой статус, не должны быть привязаны к национальным и региональным структурам. Не секрет, что при такой привязке не исключена возможность неконтролируемого использования национального печатного станка для покрытия незапланированных международных расходов.

Но главная беда, как выяснилось, не в этом. По мере развития мирового финансового рынка появилась практически неограниченная возможность создавать, под предлогом совершенствования финансовых инструментов, различного рода квазиденьги в форме условно ценных бумаг (деривативов). Причем право на их выпуск, а следовательно, и использование (пусть с оговорками) в качестве платежного средства

получили не только государства и уполномоченные ими институты, но и корпорации и иные публичные структуры.

Тем самым фактически была размыта важнейшая функция денег как регулятора спроса и предложения. Барьеры, стоявшие ранее на пути тех, кто пытался жить не по средствам, в долг, исчезли. И государства, корпорации, а также причастные к их деятельности индивиды, естественно, воспользовались возможностью, представленной им финансовым беспорядком.

Если эта оценка справедлива (что вряд ли может вызвать сомнения), то противодействие как нынешнему, так и поджидающим «за углом» долговым кризисам должно заключаться в следующем.

Даже в интересах «скорой помощи» структурам, готовым оказать поддержку государствам, наиболее увязшим в долговой трясине, надлежит отказаться от ультимативного требования «бюджетной экономии» (прежде всего за счет социальной сферы) как неперемennого условия предоставления помощи. И дело тут не только и не столько в соображениях гуманитарного порядка. Подобный подход экономически контрпродуктивен.

Тем, кто руководит экономикой, не пристало путать государственный бюджет с семейным. Да, если семья влезла в долги, то ей рано или поздно придется экономить, чтобы наконец расплатиться с кредитором. Иными словами, в данном случае сокращение затрат, безусловно, помогает погасить долг.

Но от государства, попавшего в аналогичную ситуацию, требуется совсем иное поведение. Свертывание его расходов (особенно на социальные нужды) ведет к сокращению спроса на товары широкого потребления, а это, в свою очередь, негативно сказывается на всей сфере массового производства. Закрываются предприятия, растет безработица. Соответственно, сокращаются налоговые поступления, возрастают расходы на пособия потерявшим работу и другие социальные нужды. Короче говоря, в результате подобных манипуляций бюджет страны нередко теряет суммы, намного превосходящие те, что удалось сэкономить.

Не следует забывать и о немалых моральных, политических и финансовых издержках, которыми чреват для государства рост народного недовольства и активизация протестных движений.

Гораздо предпочтительней курса на экономию, оборачивающуюся дополнительными расходами, временное замораживание долговых обязательств государств, корпораций и других публичных институтов. Конечно, такого рода действия могут повлечь за собой и нежелательные последствия — в частности, негативно сказаться на платежеспособности недостаточно защищенных и устойчивых банков и промышленных предприятий и отрицательно повлиять на финансовый оборот. Однако в распоряжении современных государств имеется набор давно опробованных и вполне эффективных финансовых инструментов, позволяю-

ших без труда справиться с издержками подобного шага. Зато его позитивные последствия вполне очевидны.

Экономика государств-должников получила бы временной лаг, который мог бы быть использован для наведения хотя бы подобия порядка. Эти государства избавились бы, пусть на время, от финансового груза, что позволило бы им, при правильном и эффективном руководстве, пополнить резервы и набрать силы для погашения прежних долговых обязательств. Со своей стороны, этому способствовала бы более или менее устойчивая общественно-политическая ситуация, обусловленная позитивной реакцией общества на отказ руководства страны от навязываемой ему (прежде всего извне) экономии за счет кошельков миллионов рядовых граждан.

Разумеется, таким образом в корне решить проблему нельзя. Замораживание долговых обязательств — всего лишь обезболивающий укол разового действия. Если не покончить с хаосом в сфере платежных средств, избавиться от долгового кризиса не удастся. Погашенный в одной стране, он внезапно вспыхнет в другой, и, быть может, в еще более острой форме.

Но можно ли действительно преодолеть этот хаос? И как достичь желаемого результата?

Путь к этой цели непрост и долог. Его конечным пунктом является, с одной стороны, единая, надежная, общепризнанная международная валюта, не связанная ни с каким, пусть даже очень мощным, государством, а с другой — наличие компетентного международного контрольного органа, призванного определять максимально допустимый объем деривативов и ограничивать их использование в качестве квазиденег.

Сегодня это представляется нереальным. Тем не менее и нынешний долговой кризис, и его возможные рецидивы неизбежно будут подталкивать мировое сообщество к движению в этом направлении.

На указанном пути возможен ряд промежуточных этапов. В их числе, во-первых, формирование межгосударственных платежных объединений, использующих в ходе товарооборота наиболее устойчивую валюту одного из своих членов либо региональные платежные средства, а во-вторых, созыв международной валютной конференции бреттонвудского масштаба, на которой бы были приняты решения о создании нового общепризнанного платежного средства или о разделении находящейся в обороте долларовой массы на валюты внутреннего и внешнего хождения и о подчинении ее международной части специальному комитету, действующему в рамках ООН.

В какой мере заинтересована в этом Россия, ведь ей вроде бы не грозит долговой кризис и при нынешнем уровне цен на энергоносители у нее нет оснований чересчур тревожиться за состояние своих финансов? И все же, как представляется, для такой заинтересованности есть причины. Сейчас, в отличие от прежних времен, наша экономика органически включена в мировое хозяйство, и любые серьезные финансо-

во-экономические потрясения за ее пределами неизбежно больно по ней ударят.

Теперь о комплексе возможных ответов на переплетение острых ситуаций в межнациональной и межгосударственной сферах.

На протяжении многих десятилетий специалисты констатировали огромный разрыв в условиях существования пяти (а теперь и шести) миллиардов, проживающих в «развивающейся» части мира, и миллиарда жителей сравнительно благополучных «развитых» стран, трактуемый как противоречие «Север — Юг». Наиболее пронизательные из них с полным основанием задавались вопросом: как долго будет сохраняться этот острейший глобальный конфликт современного мира и в каких формах он будет протекать? Так вот, теперь — в начале XXI в. — ответ на этот вопрос дает сама жизнь. И он не очень оптимистичен.

Мы становимся очевидцами своеобразного реванша, который реализуется в двух формах: с одной стороны, в виде массовой иммиграции жителей бедных стран в страны с высоким уровнем жизни, с другой — как вызревание новых острых противоречий между некогда отстававшими, а теперь вырывающимися вперед странами и теми, кто привык диктовать правила игры остальному миру и не готов признать, что эти времена прошли. Обе формы влекут за собой новые сложные проблемы.

Рассмотрим для начала иммиграционную форму реванша.

О противоречивых последствиях обозначившегося примерно три десятилетия назад беспрецедентного расширения людских потоков, направляющихся в страны с высоким уровнем жизни, написано немало. И повторять известное не имеет смысла. Достаточно воспроизвести те выводы, которые следуют из накопленного к настоящему времени опыта. Их можно вкратце сформулировать в виде трех главных констатаций.

1. В условиях прогрессирующего старения населения, происходящего практически во всех основных развитых странах, и сохранения в этих странах обширной сферы физического труда, непривлекательного для автохтонного населения, пополнение рынка труда за счет иммиграции останется для них необходимым и неизбежным на многие годы.
2. При сохранении разрыва в уровне жизни в экономически развитых и отстающих странах, особенно с учетом социальной и политической нестабильности, набирающей силу за пределами «благополучного мира», интенсивность нынешних иммиграционных потоков не только не уменьшится, но и будет проявлять тенденцию к росту.
3. Несмотря на увеличение в этих потоках доли лиц с относительно высоким уровнем образования и квалификации, их основную массу по-прежнему будут составлять малообразованные и неквалифицированные выходцы из страдающих от аграрного перенаселения

сельских областей, не просто цивилизационно и конфессионально чуждые коренным жителям новых стран пребывания, но и резко отличающиеся от них по образу жизни.

Отсюда неизбежность дальнейшего углубления уже наметившихся негативных последствий. Стремление иммигрантов к компактному расселению, как правило, оборачивается возникновением множества замкнутых, противостоящих окружению «гетто» — рассадников маргинальных установок и неправового поведения. Появление многочисленных «чужаков», нередко ведущих себя непривычно, порождает враждебность аборигенов к «нежелательным пришельцам», стимулирует рост ксенофобских настроений, работая на упрочение позиций паразитирующих на этих настроениях праворадикальных политических партий.

Меры противодействия происходящему в странах, принявших на себя главный удар иммиграционной волны, до сих пор носили двоякий характер. С одной стороны, предпринимались попытки, используя организационно-силовые методы, ограничить численность иммигрантов. С другой стороны, была разработана программа, нацеленная на формирование приемлемых отношений между коренным населением и иммигрантами и получившая известность как мультикультурализм. В ее основу была положена позитивная оценка «параллельного сосуществования» различных образов жизни и культур и «интенсивного ценностного обмена между ними».

Однако оба этих подхода продемонстрировали слабую эффективность. Стремление иммигрантов к «земле обетованной» оказалось сильнее, чем возведенная стена препятствий. Пресечение одних путей продвижения к цели компенсировалось созданием новых. Единственным заметным результатом усилий по ограничению притока «пришельцев» стало увеличение доли нелегалов.

В свою очередь обнаружилось, что мультикультурализм действителен лишь тогда, когда речь идет об исконных меньшинствах, издавна сосуществующих с этническим большинством, знающих и признающих сложившиеся в обществе правила поведения. Если этого нет, то мультикультурализм оборачивается простой фиксацией имеющихся различий и отчужденности и не снижает порождаемого ими уровня конфликтности.

Поиск решения названных проблем должен, естественно, быть продолжен. Причем некоторые подвижки в нем уже налицо, и есть все основания для их позитивной оценки.

Это, относится, например, к идее замены жестких, ограничительных акций, призванных затруднить иммигрантам въезд в привлекательные для них страны, мерами по упорядочению иммиграционных потоков. Эти меры предполагают, в частности, заключение межгосударственных соглашений, предусматривающих, с одной стороны, создание специализированных структур по отбору, предварительной подготовке и повышению квалификации будущих иммигрантов, а с другой — обязательства принимающего государства в плане бытового устройства,

условий жизни и оплаты труда приезжающих на работу иностранных граждан.

Немало делается и для того, чтобы по возможности минимизировать различия цивилизационного, в том числе ценностного и культурно-поведенческого, порядка. В основу этих усилий кладется понимание того, что неудачи мультикультурализма не следует трактовать как несостоятельность исходных его положений.

Сосуществование и взаимообогащение национальных культур необходимо и продуктивно. Заменить их примитивной ориентацией на поголовную ассимиляцию в нынешних условиях невозможно. При всем том внедрение мультикультурализма должно в обязательном порядке сопровождаться адаптацией иммигрантов к общегражданским принципам страны пребывания. Сохраняя свой язык, национальную культуру и привычный образ жизни, новые граждане должны в полной мере усвоить и принять к исполнению действующие там законы и правила поведения. В противном случае конфликтность в отношениях между коренным населением и иммигрантами будет непрерывно усугубляться. И последствия этого могут приобрести катастрофический характер.

Если движение в этом направлении продолжится и получит широкое распространение, есть достаточно оснований рассчитывать, что проблема приспособления иммигрантов к новым условиям существования и нормализации их отношений с коренным населением начнет терять свою остроту и не будет больше играть той роли, которая свойственна ей ныне.

То, что о решении этой проблемы в зарубежных странах приходится говорить в предположительном плане, не исключает необходимости тщательно присмотреться к уже накопленному ими опыту, оценивая возможности его использования в российских условиях.

Этот опыт важен для нас в силу целого ряда обстоятельств. И потому, что мы нуждаемся в дополнительной рабочей силе не меньше, чем самые развитые страны мира. И потому, что Россия крайне привлекательна для миллионов выходцев из бывших республик Советского Союза, лишенных возможности заработать на жизнь у себя дома. И потому, что открытые границы с большинством стран, возникших на постсоветском пространстве, делают переезд в Россию предельно легким и безопасным.

Между тем в нашей стране до сих пор нет сколько-нибудь внятной, юридически оформленной иммиграционной программы. Не отработана система предварительного отбора и минимально необходимой подготовки граждан бывших советских республик, намеренных приехать в Россию на работу. Нет (или почти нет) соответствующих организационных структур в близлежащих странах, где берут начало основные иммиграционные потоки, направляющиеся в Россию. Внутри страны не создана инфраструктура, рассчитанная на массовое прибытие зарубежной рабочей силы (жилые помещения, медицинские и образовательные центры, культурные учреждения). Не существует ни государ-

ственных, ни общественных органов, уполномоченных осуществлять контроль над соблюдением правовых норм в сферах оплаты и условий труда иностранной рабочей силы. А это, в свою очередь, чревато серьезными неприятностями не только для иммигрантов, но и для страны их пребывания, то есть для нас всех.

Пристального внимания заслуживают и другие перемены в системе мироустройства.

Экономические успехи стран, считавшихся прежде периферийными и отстающими, начинают придавать им дополнительный политический вес. Соответственно, возрастают их притязания на более значимое место в системе межгосударственных отношений. Немалую роль при этом играет их латентная, а в ряде случаев и открытая ориентация на реванш, о которой упоминалось выше.

Сначала это проявлялось не очень заметно. Однако в последнее время отсутствие должной реакции на изменившуюся ситуацию стало сказываться все ощутимей. Это нетрудно проследить на примере отношений между Соединенными Штатами и Китаем, постепенно эволюционировавших от взаимной терпимости к растущей напряженности.

Существует, однако, и другая сторона проблемы.

Размышляя о ней, нередко концентрируют внимание в первую очередь на таком болезненном явлении, как всплеск международного терроризма. Это верно, но лишь отчасти. В основе террористического всплеска, характерного для конца XX — начала XXI в., лежит не только названная, но и многие другие причины. Более непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме имеет назревающее (а в ряде случаев и назревшее) напряжение между исламским и христианским мирами.

Разумеется, конфессиональная оболочка отражает в данном случае лишь внешнюю сторону дела. Основу конфликта составляет актуализированная система противоречий между все еще доминирующими и некогда униженными, отставшими в развитии государствами. Но нынешняя конфессиональная оболочка не только маскировочное покрывало. То, что на политическом жаргоне сейчас именуют исламом и христианством, в современных условиях выступает как ценностно-идеологические системы. Соответственно, конфликт между ними в значительной мере оборачивается столкновением идеологий, имеющих не столько конфессиональный, сколько конкретный политический, а следовательно, и материальный смысл.

Сторона, олицетворяющая идеологию христианства (в своих публичных выступлениях ее адепты сегодня предпочитают говорить о гуманности, нравственности и правах человека), уже давно обладает реальной силой. Она не только фактически доминирует в Организации Объединенных Наций, но и располагает таким убедительным козырем, как НАТО.

Нечто аналогичное теперь пытаются создать, несмотря на старые и новые противоречия, и исламские страны. Все активнее действует

пассивная в прошлом Организация исламского сотрудничества. На 38-й сессии ОСИ, состоявшейся в июне 2011 г., было принято решение об образовании в качестве противовеса соответствующей ооновской структуре исламской Независимой постоянной комиссии по правам человека. И это решение носило осознанно демонстративный характер.

Приход к власти в ряде влиятельных стран арабского мира откровенных исламских националистов, как бы ни заигрывали с ними США и некоторые члены Европейского Союза, чреват активизацией действий, направленных на создание исламского военного союза. Зная идейные установки и политическую ориентацию воинствующих исламистов, нетрудно представить себе, каковы их конечные цели.

Как это ни парадоксально, но значительный вклад в дело формирования международных структур радикального исламизма внесли (и продолжают вносить) именно те, против кого они направлены, — Соединенные Штаты. Превратив вполне оправданную борьбу с активизировавшимся терроризмом в войну против стран, заподозренных в его поддержке, они присвоили себе право использовать вооруженные силы для военного вторжения в отнесенные к их числу государства. Поскольку во всех случаях речь шла о мусульманских странах, эта политика была воспринята в исламском мире как своеобразное возрождение крестовых походов, оставивших в общественном сознании мусульман глубокие, незаживающие раны.

Какие формы приобретет назревающий конфликт, судить пока трудно. Но его потенциальная взрывчатая сила не вызывает сомнений

Способ минимизации и нейтрализации этого, как и многих других назревающих конфликтов, судя по всему, только один: неукоснительное соблюдение и совершенствование норм международного права. Между тем дело с этим обстоит, мягко говоря, печально.

Уже давно стало понятно, что глобализация резко усилила потребность в дальнейшем (и качественно новом) упорядочении системы межгосударственных отношений. Основой этого упорядочения, естественно, должно было стать повышение роли международного права. Однако под воздействием ряда обстоятельств развитие пошло в противоположном направлении.

Не вдаваясь в детали, перечислим наиболее существенные, ключевые положения международного права, сформулированные и принятые к исполнению в конце и после окончания второй мировой войны.

Прежде всего речь идет о принципах *правового равенства* признанных мировым сообществом независимых государств, *неприкосновенности их суверенитета* и *нерушимости их границ*. Производным от этих принципов было недвусмысленное запрещение использования силы и угрозы ее применения при решении межгосударственных конфликтов. Гарантами соблюдения данных норм должны были стать Организация Объединенных Наций и ассоциированные с ней институты.

Что же мы имеем сейчас? Многие международные институты, включая ООН, все очевиднее теряют влияние, скатываясь на уровень

простых говорилен. С суверенитетом стран, не располагающих достаточными силами для самообороны, считаются все меньше. Перекройка международно признанных границ превратилась чуть ли в не обыденное дело. Применение силы, не говоря уже об угрозе ее применения, в отношениях между государствами перестало восприниматься как нечто чрезвычайное и недопустимое. Иногда подобные действия даже превозносятся как высшее проявление нравственности и человеколюбия (идея гуманитарного вмешательства). Широко используется такое вошедшее ныне в моду средство давления на суверенные государства, как юридически необоснованные индивидуальные и коллективные санкции.

Не означает ли это, что мы созерцаем сейчас лишь жалкие обломки того, что именовалось когда-то международным правом? Кому-то подобное утверждение может показаться преувеличением. Но, к сожалению, оно отражает печальную правду.

Упорядочению международных отношений это, естественно, не способствует. Напротив, создается впечатление, что род человеческий пребывает сейчас на пороге *полосы неопределенностей и потрясений*.

Очевидно, что и в этой области требуются срочные меры.

Как минимум, в порядке «скорой помощи», нужно было бы добиться подтверждения на уровне ООН основных принципов международного права, провозглашенных и проверенных в продуктивные в этом смысле первые послевоенные годы. За этим могли бы последовать меры по новой кодификации международного права, в ходе которой в него были бы внесены и новые положения, диктуемые изменившейся обстановкой.

В качестве более отдаленной перспективы было бы полезным предусмотреть создание международных рабочих групп, в задачи которых входила бы разработка проектов дальнейшего развития и совершенствования системы международных институтов, учитывающих потребности как уже достигнутого, так и прогнозируемого уровня глобализации.

Было бы очень хорошо, если бы аналогичные идеи созрели и в головах тех, кто занимается этими проблемами по долгу службы.